

ственного обращения к рукописям».⁹ Эта задача вновь была сформулирована в одном из последних томов ТОДРЛ.¹⁰

Наряду с текстологическим и археографическим интересом к повести по мере ее изучения привлекал значительное внимание и ее автор, от лица которого ведется рассказ. С. Ф. Платонов полагал, что это был подьячий или дьяк Посольского приказа в начале царствования Михаила Федоровича.¹¹ Когда в распоряжении С. Ф. Платонова оказался список Выдубецкого монастыря с концовкой, содержащей переданное тайнописью имя автора — Евстратий (Стефанов), он высказал предположение, что это было духовное лицо. С. Ф. Платонов отметил, что «по документам конца XVI и первой половины XVII в., когда жил автор повести, не удалось обнаружить какого-либо приметного деятеля, приказного или церковного», который «открыл читателям свое „прямое“ церковное имя и отчество, а в жизни действовал под иным, житейским прозвищем».¹² Н. К. Никольский и А. А. Назаревский держались того же мнения об авторе повести. А. А. Назаревский не только в своей ранней работе, но и в настоящее время видит в нем сторонника и блажелателя Василия Шуйского из служилых кругов Посольского приказа, который «постригся в монахи, заменив свое прежнее „мирское“ имя — новым».¹³

Определенный интерес к Евстралию проявился также в трудах А. Е. Викторова,¹⁴ В. Т. Георгиевского,¹⁵ М. Н. Сперанского,¹⁶ И. У. Будовнича,¹⁷ где ему уделялось внимание не как автору повести, а как писцу рукописи, владевшему тайнописью, — простой литорской азбукой.

Выборочная публикация концовки повести — тайнописи с именем Евстратия, предпринятая А. Е. Викторовым и В. Т. Георгиевским по списку Флорищева пустыни, а М. Н. Сперанским — по Выдубецкому списку, уже давно дала возможность сопоставить хотя бы частично оба списка и заметить их близость.¹⁸

⁹ А. Назаревский. Заметка об имени автора и списках «Повести о некоей брани», стр. 165.

¹⁰ Н. С. Демкова, Р. П. Дмитриева, М. А. Салмина. Основные проблемы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей. — ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 174—175.

¹¹ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в., 1888, стр. 116—120.

¹² С. Ф. Платонов. Повесть о некоей брани, стр. 21—22, 23—34. — Вывод о принадлежности Евстратия к духовенству, сделанный С. Ф. Платоновым на основании имени (и отчества) автора повести, далеко не бесспорен. С. Ф. Платонов отмечал: «как форма отчества „Стефанов“ вместо обычного „Степанов“, так и самое имя „Евстратий“ чрезвычайно мало употребительное в московском мирском быту» (там же, стр. 23). Между тем легко можно привести примеры светского употребления тех же имен. Так, в подмосковном селе Клементьеве жил в конце XVI в. крестьянин Евстратий (Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре, от основания оной до 1880 года. М., 1880, стр. 37, № 402). Во второй половине XV в. московский дьяк Стефан Бородатый был заказчиком богатого резного белокаменного креста (И. А. Шляпкина. Древние русские кресты, ч. I, СПб., 1906, стр. 18).

¹³ А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия. Киев, 1958, стр. 149—150.

¹⁴ А. Е. Викторов. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России, стр. 273.

¹⁵ В. Георгиевский. Флорищева пустынь, стр. 240.

¹⁶ М. Н. Сперанский. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. — Энциклопедия славянской филологии, вып. 4, 3, Л., 1929, стр. 115.

¹⁷ И. У. Будовнич. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в. М., 1962, стр. 68. — Здесь (стр. 147, 225) автором «Повести о некоей брани» ошибочно назван не Евстратий, а Григорий Кропольский, очевидец чудесного «видения» и спутник Евстратия.

¹⁸ Н. К. Никольский (К истории текста «Повести о некоей брани...», стр. 75—77) опубликовал значительно больший отрывок — весь конец повести, недостающий в тол-